

Все обязательно наладится...

Быль

Еще недавно с полей тянуло запахом прелой листвы, травы, соломы. Это был приятный запах для Михаила Владимировича. Он напоминал ему о молодости, о силе, о труде механизатора, которому была отдана большая часть долгой жизни. Любил он свою работу, а еще больше любил плодородную белгородскую землю, жирную, будто масло, дающую богатые урожаи. Теперь многие поля были изрыты воронками от снарядов; большая, израненная осколками почва, пытаясь восстановить силы, отдыхала от посевов. По этой причине не все пашни в этом году были засеяны, многие пустовали.

Но прошел октябрь, а за ним и ноябрь. Закончилась осенняя заволаживающая пора, когда солнце светило еще тепло и ярко, а самое главное – грело. Оно позволяло посидеть во дворе с приятелями-пенсионерами, поиграть в домино или лото, да и просто пообщаться. Теперь же на смену мягкой осени пришли долгие зимние дожди со снегом, которые в декабре в Белгородской области являлись обычным делом. За свои долгие семьдесят семь лет он так и не полюбил зиму, даже не привык к ней.

Именно погода и заставила Михаила Владимировича не выходить из дома без особой нужды. А чем занять себя старому человеку? Как скрасить свой досуг? На помощь всегда приходили книги да кроссворды. Читать он любил с детства, благодаря этому пристрастию и кроссворды решать ему нравилось: появлялось чувство, что все науки по зубам. А еще такие моменты были полны умиротворения и покоя, которых так не хватало последнее время всему живому на земле.

Желтый свет лампы уютно освещал комнату. Дрова в печи приятно потрескивали. Периодически клонило в сон. Поэтому дед Миша (так звали его внуки и правнуки), решая кроссворды, проговаривал их себе под нос: «Особенность рельефа, четыре буквы...» Немного подумав, записал: «Гора».

Вдруг за окном прозвучал громкий взрыв... Казалось, что снаряд взорвался где-то рядом с домом. Сейчас, как и в детстве, не было страха за свою жизнь, но была ненависть к врагу, который не давал покоя старикам, детям, женщинам даже в канун новогодних праздников.

Грохот звучал в ушах Михаила Владимировича ещё несколько секунд. На улице раздался сигнал тревоги, который было слышно в доме. Дед Миша встал с дивана, забыв про журнал с кроссвордом, оделся, вышел на улицу. Жил старый мужчина один, но недалеко были дома двоих сыновей. Внуки же в селе остаться не захотели – поселились они в Белгороде, но навещали родителей и деда часто, видимо, скучали. Да и небольшое расстояние между населенными пунктами позволяло им это делать. Но душа за них

болела всегда, а особенно сильно во время ракетных атак со стороны ВСУ. Душа у Михаила Владимировича болела за всех: за односельчан, которые подвергались постоянному обстрелу; за парней, которые гибли, защищая русский народ; да и за сам народ, который в очередной раз спасал себя и свою землю от нечисти.

В такие моменты в памяти непроизвольно всплывали картины из детства. Детство было военным, а потому страшным. На какое-то время благодаря мирной жизни и радости от Победы над фашизмом его удавалось забыть. Но последние пару лет память все чаще вытаскивала из своих закутков события восьмидесятилетней давности со всеми ужасными деталями. Дед Михаил помнил все подробно, хотя и был тогда пятилетним ребенком.

...Раннее осеннее утро. В доме было прохладно: печь еще не топили. Мама и сестра Варвара собирались идти кормить скот. Мишенька – с ними: отец с начала войны ушел Родину защищать, а сына оставил за хозяина. Вот и торопился мальчонка, чтобы не отстать от женщин. Вдруг в дверном проеме с испуганным выражением на лице появилась тетка Полина, соседка, и заплетающимся от страха голосом произнесла: «Немцы! Немцы на улице!» Через неплотно прикрытую дверь все услышали пугающую чужую речь, автоматные выстрелы, затем хохот. И вслед за этим донеслись непонятные слова: «Аб! Аб! Хераус! Выходи!» Мама не выдержала и выбежала во двор, остальные – следом за ней. Немцы из автомата расстреляли домашнюю птицу, затем, собрав ее в кучу, попытались объяснить ей, чтобы она приготовила из нее обед. А та отказывалась, мотая головой в разные стороны то ли от страха, то ли от непокорности. Один из немцев ударил ее прикладом автомата несколько раз. От боли она упала на землю. Миша и Варвара громко заплакали, а тетка Поля от ужаса и безысходности только прикрыла рот ладошкой. Солдаты зашли в дом, объяснив жестами и немногочисленными русскими словами, что они будут здесь жить.

Не раздумывая ни секунды, мама с Мишей и Варей пошли к соседке. Тетка Полина, обнимая их, сначала тихо плакала, а потом вдруг громко и уверенно сказала:

- Не будет этих извергов на нашей земле... Потерпеть только немного надо... и постараться выжить. Все обязательно наладится...

От ее слов появилась маленькая надежда, и все постепенно успокоились.

Тишину села нарушали звуки мотоциклов и машин, крики немецких солдат, автоматные выстрелы. Односельчане боялись выйти на улицу, но это не спасало от фашистского террора. Жизнь катилась день за днём, будто в густом тумане или в дремучем лесу, где не видно никакого просвета. Кругом были темнота, страх и ненависть.

Зимой мама и тетка Полина по распоряжению немцев часто уходили на расчистку дороги. Однажды, вернувшись вечером домой, они долго и горько плакали. Миша и Варя, испуганные и притихшие, сидели на лавке возле печи. Сердца детей сжимались от боли и страха. Они чувствовали, что пришла беда, огромная, не поддающаяся человеческому разуму. Наплакавшись, женщины стали разговаривать между собой.

-Звери, как они могли безвинных людей погубить? Убить детей, стариков, женщин?! Господи, если ты видишь это, останови их! – опять заголосила мать.

Тетка Полина гладила ее по спине, приговаривая:

- Не будет этих извергов на нашей земле... Потерпеть только немного надо... и постараться выжить. Все обязательно наладится...

На следующий день, когда взрослые опять ушли на расчистку дорог, прибежал соседский паренек в гости. Он и поведал Варваре и Мише о случившемся накануне горе.

- В Белгороде вчера фашисты арестовали евреев, стариков, детей, женщин и переполненные узниками машины отправили на камышитовый завод, - начал свой рассказ Витька. – Гестаповцы людей группами вталкивали в сараи, по которым затем вели огонь из автоматов. Расстрел продолжался весь день. Когда все привезенные были убиты, немцы подожгли камышитовые сараи. Они горят до сих пор, - подытожил мальчишка со слезами на глазах. – А наши мамки дорогу к тому месту чистят, чтобы немцы смогли по ней проехать.

Мишка заревел в голос, растирая крупные слезы кулаками по лицу. Варвара молча смотрела расширенными от ужаса зрачками на Витьку. Затем перекрестилась, как это делала иногда тайно ото всех тетка Полина, и шепотом произнесла:

- Господи, только маму нашу убереги от всех бед и напастей, и тетку Полину, и Витькину маму, и всех людей...

Поздно вечером женщины вернулись домой. Они то шепотом разговаривали, то тихо плакали, то тяжело вздыхали. Ужинали в тишине, даже непоседливый Мишка сидел спокойно. Он тоже чувствовал запах горя, разлившегося в воздухе над их домом, над родным селом, над всей русской землей.

Ночью мальчик видел, как тетка Полина достала из-за шкафа маленький образок, зажгла огарок свечи и долго шепотом молилась в углу комнаты. Затем и мама неслышно опустилась на колени рядом с ней.

Может, они и другие матери и жены тогда и выпросили у Бога терпения да сил, чтобы пережить ужасы войны, не сойти с ума от людского горя, не растерять человеческие качества.

...Сын неслышно подошел к Михаилу Владимировичу, положил руку на плечо:

- Отец, не смогли до тебя дозвониться. Как ты?

- Как я могу быть, когда опять стреляют? Вон столбы дыма поднимаются...

Столько лет прошло, а фашисты опять дома рушат, жизни человеческие рушат...

Дед Миша немного помолчал, задумавшись, а затем твердо и уверенно произнес:

- Не будет этих извергов на нашей земле... Потерпеть только немного надо... и постараться выжить. Все обязательно наладится...